

The background of the cover is a dramatic, dark blue and teal illustration of a massive, swirling wave crashing down. In the bottom left corner, a small, dark wooden boat with several figures inside is being tossed by the waves. The overall mood is one of danger and suspense.

18+

Игорь Филатов

Русалка

Почти по Андерсену

Игорь Филатов

Русалка. Почти по Андерсену

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Филатов И. А.

Русалка. Почти по Андерсену / И. А. Филатов — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Повесть о взрослении и разочаровании, о любви и выборе с элементами
сказки и мистики.

Летняя ночь... Ни луны, ни звезд; душно... Тьма так черна и непроницаема, что, кажется, можно её потрогать. Всё замерло, скованное и придавленное мраком – ни звука, ни дуновения... И всё же совсем близко, во мраке, ощущается чьё-то присутствие. Невозможно разглядеть, что это, но без сомнения – оно огромно и могуче. Тьма чуть дрожит от тепла его исполинского тела, а редкий, едва слышный вздох говорит о том, что оно спит...

Море! Даже невидимое, оно ни на миг не позволяет забыть о себе, потому что оно здесь – всё. Это его дыхание затянуло облаками небо, его покой поверг в оцепенение все вокруг. Теперь оно спит, но кто знает, каким оно проснется – характер его изменчив, а сила безгранична. От его настроения и прихоти зависят погода, очертания берегов, жизни и судьбы миллионов существ, обитающих в его глубинах и на побережье

Море! В этом коротком слове величавое спокойствие и бесконечность: миллионы лет прошлого и миллионы будущего; оно хранит свои тайны и пишет свою историю, по сравнению с которой падения Рима и Сталинградская битва – ничто.

Так было всегда, и так будет...

...

Вдоль берега, у самой воды, идет человек. Лишь звук шагов да учащённое дыхание выдают его присутствие. Море его не замечает. Для него он не более, чем камешек, которых неисчислимо на берегу.

Человек спотыкается, что-то бормочет – идти по зыбкому песку трудно – но упрямо продолжает свой путь.

А море спит...

1.

...Мите наконец надоело ковылять по песку, увязая и спотыкаясь. Он снял сандалии, закатал джинсы и с облегчением зашлепал по влажной полоске берега, укатанной волнами. Время от времени ног его мягко касалась вода и тут же уходила обратно. Она была тёплая, словно мыльная, но все же охладила усталые ноги.

Берег уже давно стал неровным, пошли камни и глыбы песчаника. Это означало, что пляжи кончились и началось дикое побережье. Митя уже порядком устал, но возвращаться не собирался – раздраженный дух толкал его вперед, а досада и горечь не проходили...

Причина, заставившая Митю уйти ночью так далеко от лагеря, была банальна до пошлости, и Митя это прекрасно понимал. Но в неполные девятнадцать лет трудно быть философом.

Если придерживаться только фактов, ничего особенного не произошло: его подружка Светка, танцевала сегодня с другим. Всего-то! Но, во-первых, за два года знакомства они принципиально танцевали только друг с другом, это было известно всем. Во-вторых, другим оказался не кто-нибудь, а радист лагеря Роберт Кочарян, красавец и сердцеед! Высокий, белокубый, Роберт никогда не тратил время даром и просто так с девушками не танцевал. Это тоже знали все.

Митя ничего не понимал. Ещё вчера он с одеялом в руках поджидал Светку после отбоя в кипарисовой "Аллее Влюбленных», и всё было, как уже много раз... В половине второго на пороге коттеджа она потрепала его за ухо, поцеловала на прощанье, шепнула: «Ну, беги...» – и исчезла за дверью. Он мог бы поклясться, что в этот миг она была ЕГО Светкой.

С тех пор прошли неполные сутки. Утром Митя уехал по делам в город, вернулся к обеду... А потом сломался водопровод в Верхнем Отделении, и всё остальное отошло на второй план – лагерь мог остаться без воды.

...Уже затемно, грязный и усталый, Митя наскоро поужинал в пустой столовой холодными макаронами, переоделся и поспешил на танцплощадку, где уже всю гремела музыка. Пришел... и увидел Светку с Робертом.

Вначале он просто не поверил своим глазам. С ним здоровались, что-то спрашивали, он невпопад отвечал, а сам был не в силах оторвать взгляд от освещённого круга, где видел только Светку и Роберта. Роберт небрежно прижимал Светку к себе, а она, закинув руки ему на шею, преданно глядела ему лицо и, казалось, ничего не замечала вокруг. Когда танец закончился, Роберт по-хозяйски взял Светку за локоть и повёл к скамеечке.

Кровь бросилась Мите в лицо. Он видел, как Роберт что-то шепчет на ухо Светке, как она смеётся, как у неё блестят глаза, и ему казалось, что этого не может быть...

...Митя внезапно остановился: дальше идти было просто невозможно – скалы вплотную подступили к морю. Стало прохладнее, проглянули звезды. Митя разглядел у самых своих ног большой плоский камень наполовину в воде, влез на него, сел, обхватив колени руками, и словно оцепенел...

Митя никогда не задумывался, любят ли они со Светкой друг друга. Всё сложилось само собой, без цветов и объяснений. Они учились на одном курсе, жили в одном общежитии, но даже не здоровались до тех пор, пока однажды Митя не пригласил её потанцевать. В Комнате Отдыха два раза в неделю, по средам и субботам, проводились танцевальные вечера. Там, в полутьме, пропахшей потом и табачным дымом, под музыку «Queen» и «Deep Purple» у мальчиков и девочек, как правило, начиналось то, что потом продолжалось на измятых кроватях, а порой просто на полу или подоконниках, и составляло основную прелесть общежития. Когда Митя обнял Светку за талию и привлёк к себе, то сразу понял, что она не будет против дальнейшего. Он нашел её губы, и она ответила с готовностью, словно ждала этого.

Весь вечер они танцевали только друг с другом. Гибкая и податливая, Светка спокойно позволяла ему обнимать и целовать себя, а губы её, тёплые и влажные, словно просили ещё... На следующих танцах они опять были вместе, а через два дня, как только представился случай, так же спокойно, без тени сомнений и стыдливости, стали близки.

...Светка оказалась гораздо опытнее Мити. Поначалу его это смущало, но потом всё стало на свои места. Они вместе обедали и ходили в кино, но учились каждый сам по себе. Для Мити учёба была гораздо важнее, хотя и Светка училась хорошо. Ей, как и всем девчонкам на потоке, не давалась электротехника, и этот предмет Митя всегда делал за двоих. Они не выясняли отношения, не говорили о будущем, но, вполне вероятно, через некоторое время поженились бы. А пока им было хорошо и так.

Светка была симпатичной девушкой. Невысокая, кареглазая, с хорошо развитой фигурой и гладкими, забранными в хвост тёмно-русыми волосами, она сразу не бросалась в глаза. Но приглядевшись, отводить взгляд уже не хотелось – смотреть было приятно. Так же легко и приятно было с ней общаться. Сколько помнил Митя, они ни разу не поссорились.

В их отношениях Мите не хватало совсем чуть-чуть, хотя в этом он не признался бы даже самому себе: ни разу, даже в самые откровенные минуты она не назвала его каким-нибудь ласковым словом: «любимым», «дорогим» или хотя бы «Митенькой». Было в её отношении к Мите что-то неуловимо покровительственное, хотя она безоговорочно признавала его превосходство и почти всегда уступала.

То, что произошло сегодня, было совершенно неожиданно! Глядя на свою подругу в объятиях Роберта, Митя вдруг понял, что совсем её не знает. Ему стало ясно, что все два года ходила с ним в кино и целовалась какая-то другая Светка, та, которую он себе представлял,

какую хотел видеть. Она так естественно подстроилась под него, что ему и в голову не приходило искать в ней что-то иное. А сегодня он её не узнал: у неё блестели глаза, по лицу блуждала счастливая улыбка. Когда она заметила Митю, взгляд её, скользнув по нему, не изменился, только голова склонилась чуть ниже к плечу Роберта.

Мгновение после этого Митя стоял, как вкопанный, потом развернулся и зашагал прочь...

Он не знал, сколько просидел на камне. Тихо вздыхало море, снова скрылись звёзды, ночь шла своим чередом. Камень был холодный, но Митя ничего не замечал, мысли его снова и снова возвращались к Светке. Ему было больно. Он даже представить себе не мог, что бывает такая боль: словно разъедающая внутренности. И ещё было чувство, будто что-то сломалось, разрушилось и исковерканными обломками придавило сердце.

Светка его предала. Это было очевидно. Да, они ничего не обещали друг другу, но всё равно – она его предала. Сознать это было мучительно. Невыносимо было думать о том, что будет после танцев. Тут уж сомневаться не приходилось – Роберт знал свое дело! Митя заскрежетал зубами...

Раздался громкий всплеск. Митя поднял голову, но разглядеть ничего не смог. Плеск повторился, похоже было, что кто-то плывёт к берегу. «Кому ещё не спится?» – удивился Митя. Неожиданно всё стихло. Митя встал на ноги и прислушался. Прошла минута, другая... Вдруг рядом с камнем всхлипнула вода, обдав его брызгами, а через мгновение на берегу под легкими шагами закрипела галька. «Кто здесь?» – крикнул Митя. Шаги стихли, и вновь наступила тишина. Митя не испугался, но что-то странное было в этом позднем купании и в этих быстрых легких шагах.

– Эй! – крикнул Митя. – Кто это?

Тишина и мрак. Казалось, даже воздух застыл...

– Что ты тут делаешь? – вдруг произнёс тоненький голосок совсем рядом с ним. – Это мой камень.

Митя вздрогнул от неожиданности и протянул руку вперед. Рука коснулась влажных прядей и опустилась на чьё-то худенькое плечо. Девочка... Нет, миниатюрная девушка стояла рядом с ним. Она не отодвинулась, не отвела его руку, только сказала:

– Зачем ты сюда пришел? Это моё место.

– Я... я не знал... – ответил изумлённый Митя. – Я здесь случайно... Но я сейчас уйду, не буду тебе мешать. А... а ты кто?

Девушка помедлила, словно в нерешительности, потом ответила:

– Если хочешь, можешь остаться. Я всё равно скоро поплыву обратно. Только отдохну немного.

Голос у девушки был нежный, мелодичный.

– Только в другой раз не приходи сюда и, пожалуйста, не рассказывай обо мне, иначе мне придется искать другое место.

– Ты, наверное, спортсменка? – спросил Митя. – Откуда ты приплыла? Случайно, не из нашего лагеря?

– Какого «вашего»? – спросила девушка.

– Из «Строителя». Ну, лагерь Строительного института...

– А-а... Знаю... – протянула девушка. – У вас на пляже, у самой воды бочка стоит, а сверху пират с кружкой.

– Ну, да!

Девушка засмеялась:

– Смешной! Нет, я не из вашего лагеря... Давай присядем, а то я устала немного.

Она опустилась на камень и, уже сидя, спросила:

– А ты что здесь делаешь? Ваш лагерь далеко.

Может, темнота, может, странность обстановки располагали к откровенности, но Митя сел рядом с девушкой и вдруг неожиданно для себя рассказал ей всё. То, что он не видел её, облегчало разговор, он рассказывал, совершенно не стесняясь, словно говорил сам с собой. Девушка ни разу его не перебила, только однажды коснулась руки, словно желая успокоить.

– ... Мне всегда казалось, что Ромео и Джульетта – это красиво, романтично, но... как-то неправоподобно. Умереть из-за любви? Глупо! А вот сегодня шёл по берегу и вдруг подумал: если войти в воду, идти, идти, пока вода не дойдёт до подбородка, потом ещё несколько шагов – и всё сразу кончится, не будет ни стыдно, ни обидно, ни больно...

– А сейчас? – спросила девушка.

– Что сейчас? – не понял Митя.

– Сейчас тебе не хочется войти в воду?

Митя озадаченно посмотрел в сторону девушки. Он не мог её увидеть, но ему вдруг очень захотелось узнать, как выглядит его таинственная собеседница.

– Послушай, кто ты такая? – спросил он. – Я впервые тебя вижу... то есть слышу... Почему я тебе всё рассказал? – он помолчал. – А ведь мне действительно стало легче.

– Я рада... – сказала девушки. – А теперь, – голос прозвучал уже от края камня, – прощай, мне пора.

– Подожди! Как тебя зовут? – закричал Митя, вскочил на ноги, но услышал только негромкий всплеск. Наступила тишина. Сколько ни вслушивался Митя, он так и не понял, в какую сторону поплыла таинственная девушка. Он стоял в недоумении и спрашивал себя: не почудилась ли она ему – незнакомка с нежным голосом, приплывшая неизвестно откуда и исчезнувшая так внезапно.

2.

Студенческий лагерь «Строитель» под Алуштой был легендой. Здесь время от времени проходили фестивали, которые ни за что не разрешили бы в Москве; здесь устраивались мероприятия, о которых очевидцы рассказывали не иначе, как вполголоса, со смущёнными улыбками; здесь давали концерты кумиры подвалов, отвергнутые официальной эстрадой; наконец, в молодости здесь дважды отдыхал Саша Градский... Порой о лагере рассказывали просто невероятные вещи. Чему верить, а чему нет, разобраться было непросто. Но ведь и о Трое мы знаем лишь по изустным рассказам не всегда правдивых людей – легенда есть легенда. Стоит заметить, однако: на пустом месте легенды не вырастают.

Не приходилось сомневаться в одном – «Строитель» представлял собой оазис любви. Или, лучше сказать, университет любовных отношений, главным и единственным предметом в котором была любовь. В лагерном распорядке она никак не упоминалась, но в этом решительно не было никакой необходимости: расписание и так соблюдалось неукоснительно: днём – теоретическая подготовка, осмысление пройденного, отдых, а после отбоя, ровно с 23.00 – практические занятия. (Отметим в скобках – как истари повелось в системе высшего образования, и по этому предмету настоящая учеба начиналась только с наступлением ночи.)

Можно сказать, здесь проходила третья сессия – свои экзамены, свои отличники и двоечники и, конечно, «хвосты»... Но цели и задачи у всех были разные. Одни самоутверждались, другие избавлялись от лишних, по их мнению, комплексов; некоторые, постарше и поопытнее, учились с помощью любви решать весьма практические вопросы. Были и такие, которые просто делали то же, что делают все: в институте надо решать задачи по сопромату – решают, здесь наука интимного общения – они и здесь не отстают. Были и «эпикурейцы», для которых любовь была удовольствием в чистом виде. Эти просто блаженствовали: её здесь можно было получать, почти не прикладывая усилий.

И только тех, кто в слово «любовь» вкладывал поэтическо-романтический смысл, не было заметно вовсе. Именно здесь, под роскошным небом, на берегу тёплого лазурного моря романтика терпела безоговорочное поражение. Только и было слышно:

- Вадим снял Верку!
- Верка сделала Вадима!
- Ваня, ты сегодня с кем?
- Ещё не знаю.
- Блин, резина кончилась! Повешусь...
- Игорёк, будь другом, погуляй часок после танцев, постель нужна...
- Смеёшься?! Мне что, целый час целоваться?
- Верка, ну как Вадим?
- Вадим, ну как Верка?

Те немногие, которые не вписывались в эту наэлектризованную любовью атмосферу, чувствовали себя чуть ли не изгоями. Отношение к ним было насмешливо-презрительное – зачем было приезжать?

Долгожданная свобода от учёбы, от родителей, ласковое море, южные красоты, наконец, репутация лагеря – все это действовало неотразимо. Предварённые рассказами «бывалых», новички задолго до приезда предвкушали эти две фантастические недели, приезжали – и кидались, как в омут...

Многие относились к этому с юмором и даже умилялись: «Ах, молодость, молодость...» На самом деле, то, что здесь происходило, было страшно. Лагерь, задуманный и построенный, как место здорового и культурного отдыха студентов, был горнилом. Многие мальчики после двух недель в «Строителе» словно перешагивали невидимую черту: у них оставались те же почти детские лица, в голосах ещё слышался мальчишеский звонкий треск, но исчезал свет в глазах и куда-то пропадало неуловимое очарование чистоты и свежести, свойственной только юным. Мальчики иначе смеялись, иначе шутили, по-другому относились к сокурсницам и к женщинам вообще. Мальчикам хотелось поскорее стать настоящими мужчинами, и они так торопились повзрослеть, что даже не замечали, как попадали в западню, из которой был только один выход: цинизм – вот что получали они взамен утраченной чистоты.

То же происходило и с девочками, но было, пожалуй, ещё глубже и ещё страшней. И так же необратимо.

Справедливости ради стоит сказать, что резко менялись только те, кто уже были внутренне готовы к этому. Но многие именно здесь начинали прибавлять к своему мировоззрению весьма существенные детали, и здесь же легко, с пренебрежением отбрасывали то, что совсем недавно считали необходимым.

...

Митя перешёл черту еще в школе. Произошло это само собой, почти случайно, и мало изменило его. В отличие от многих ребят Митя не был озабочен своей мужской полноценностью. Учёба, например, была для него гораздо важнее. Во всяком случае, происшедшее не стало для него событием – это должно было с ним случиться, как со всяким, и случилось. Он был даже разочарован: немного стыдно, не лишено приятности, но и только... Потом, всё еще в школе, его ненадолго посетила влюблённость, завершившаяся тем же. Вскоре она развеялась, как дым.

Уже в институте к его послужному списку добавилось ещё несколько эпизодов, один из которых он предпочитал не вспоминать, и к тому времени, когда наконец появилась Светка, у него уже сформировалось твёрдое убеждение, что в отношениях между мужчиной и женщи-

ной всё достаточно просто. Восторги и страдания, о которых пишут в романах, скорее всего сильно преувеличены, да и вообще, удел немногих. Сам же он был рад, что не принадлежит к их числу. Опытность Светки, как бы установившей правила игры, сняла с него необходимость что-то искать и изобретать. Так что в свои неполные девятнадцать лет он был, с одной стороны, уже достаточно искушён, а с другой – почти не тронут и в каком-то смысле вполне целомудрен. Ажиотаж, царивший в лагере, его забавлял. Глядя на лихорадочные попытки в последние минуты перед отбоем найти себе партнёра и слушая восторженные, явно преувеличенные рассказы о ночных подвигах, он снисходительно улыбался. Ему казалось, что они со Светкой выше этого, у них-то все ясно и улажено.

И вот теперь, в три часа ночи, лёжа в кровати и глядя в темноту, Митя ясно понимал, что ему это только казалось. Он мучительно пытался разобраться, что же произошло. Несмотря на поздний час, ни одного из трёх его соседей по коттеджу, ещё не было, никто ему не мешал.

Он вспомнил, как в середине июля на 3-ю смену приехала Светка. Они не виделись полтора месяца и первую же ночь провели вместе, а уже на другой день он заметил на её лице новое выражение: взгляд стал длинным, убегающим, а в уголках губ затаилась улыбка, словно она постоянно ожидала чего-то приятного. Это делало её еще привлекательнее, ей бросали вслед многозначительные взгляды, и Мите это льстило.

Днём он Светку почти не видел, и чем она занимается до вечера, понятия не имел. Однажды ему показалось, что от неё пахнет сигаретами, но она объяснила, что курили девочки в её комнате. Это вполне могло быть правдой, девочки в лагере курили через одну. Стала чуть больше краситься, но он не придавал этому особого значения. Ничего другого Митя припомнить не мог. Светка была, как всегда немногословна, ласкова и покладиста. Что же произошло?

Больше всего, конечно, страдало самолюбие. Митя не считал себя красавцем, но прекрасно знал, что в лагере найдется не одна девушка, которая ни в чём ему не откажет, дай он только понять, что свободен. У него было открытое лицо, широкие плечи, и если особого обаяния он не имел, то впечатление силы и надежности производил вполне.

Ему вспомнился эпизод, который произошёл в самом начале его пребывания в лагере, сразу после приезда. После торжественного открытия, концерта и вечера знакомств, далеко за полночь, в немногочисленной компании он оказался на берегу моря. Было темно и весело. Вначале обменивались впечатлениями о концерте, потом говорили об учёбе, шутили, состязались в остроумии. Помянули Феллини, Тарковского... Потом кто-то рассказал анекдот...

После этого всё изменилось, словно кто-то подал сигнал. Анекдоты стали рассказывать по очереди, и с каждым новым они становились все сомнительнее и сомнительнее. Когда острожно прозвучало первое неприличное слово, девочки смущенно захихикали, но ни одна не ушла. После этого приличных анекдотов уже не было, пошла откровенная похабщина. Митя не верил своим ушам... Всего час назад все собравшиеся на берегу были сплошь приличные молодые люди, будущие инженеры. У них были умные лица, они читали книги, ходили в театры и музеи. Он вспомнил, как одна из девочек, с золотым ободком в чёрных блестящих волосах, на концерте играла на скрипке, она так и пришла на берег моря с футляром. Теперь и она тоже слушала анекдоты и смеялась. В темноте, не видя лиц друг друга, мальчики и девочки легко отбросили условности и перестали быть такими, какими их хотели видеть родители и преподаватели, какими они сами хотели казаться при других обстоятельствах, и превратились в грязных поросят. Наверное, им казалось что это весело и по-своему романтично. Наверное, они казались сами себе взрослыми и независимыми. Отчасти это была игра и бравада, но Митя чувствовал – они и в самом деле были готовы к тому мерзкому, что составляло суть анекдотов, они хотели этой мерзости, за ней сюда и пришли. И хотя он был старше и опытнее многих из них, его покорило это коллективное стремление вывалиться в грязи.

Все девочки курили. Мальчики уже совсем не смущались и говорили, не выбирая слов. Последний рубеж был преодолен, когда одна из девочек вызвалась рассказать анекдот и храбро произнесла отвратительное, грязное слово, которое пишут в основном на заборах. Все одобрительно захохотали. Её не было видно в темноте, но Митя вспомнил: кажется, Оля, светленькая, пушистая, как котёнок, только что окончила первый курс. От кого она узнала этот пошлый анекдот? Когда первый раз вслух произнесла это отвратительное слово? Так не вязалось оно с её кукольной внешностью, так странно прозвучало, произнесенное тонким нежным голоском, что ему стало не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.